

Хозяин этого дома, господин Хуан, был стариком лет шестидесяти, жившим в старинном особняке времён Цин, обставленном западной мебелью. Он носил китайские халаты, но обедал по-европейски, что делало его похожим на Чэн Фэнтая. Господин Хуан был уже совсем стар, его глаза помутнели, а кожа потеряла блеск. Шан Сижуй же был юным и прекрасным, и, сидя рядом с господином Хуаном, они выглядели как отец и сын.

Господин Хуан похлопал Шан Сижую по руке и с улыбкой сказал:

— Может, господин Шан споёт нам что-нибудь под барабан?

Шан Сижуй ответил:

— Каждая профессия — это отдельная гора. Я не умею петь под барабан, у меня голос сбивается.

Девушка, исполнявшая песни под барабан, слегка наклонила голову, внимательно слушая их разговор. Господин Хуан взял Шан Сижую за руку и покачал, улыбаясь:

— Вы его не знаете? Это господин Шан Сижуй.

Девушка удивилась и, взглянув на Шан Сижую, загорелась энтузиазмом:

— Как можно не знать! Я поклонница господина Шана!

— Ах, господин Хуан, вы сегодня решили подшутить надо мной! Заставили меня опозориться перед звездой сцены!

Все рассмеялись. Шан Сижуй тоже улыбнулся, вытащил руку из рук господина Хуана и поклонился девушке:

— Не стоит, не стоит. Как я уже сказал, каждая профессия — это отдельная гора. Вы на своей горе — тоже звезда.

Шан Сижуй обычно был погружён в свои представления и, чтобы сохранить голос, редко посещал шумные вечеринки. По сути, он не был человеком светских развлечений. Поэтому многие из присутствующих знали о нём лишь по слухам и, увидев его впервые, не могли упустить возможности заговорить с ним, а затем потребовать, чтобы он спел. Шан Сижуй действительно не хотел петь, так как в последние дни из-за похолодания у него обострилась старая болезнь, и голос был не в лучшем состоянии. Но он не мог отказать. Даже будучи звездой, он был всего лишь лицедеем, и его долг — украшать вечеринки и добавлять им веселья.

Шан Сижуй медленно встал и сказал:

— Что бы вы хотели услышать? Может, «Веер с персиковыми цветами»?

Все согласились. Шан Сижуй начал петь. Его голос, как разбитый серебряный кувшин,

наполнил зал, заглушив звуки музыки из сада. Молодые люди, танцевавшие в саду, остановились, повернувшись к источнику звука. В эту осеннюю ночь, под светом луны и редких звёзд, его чистый голос, взмывающий в небеса, создавал ощущение свежести и ясности. Все вальсы и серенады, в сравнении с его пением, казались мутными и неприятными. Только этот ледяной голос Шан Сижую подходил к лунному свету и прохладному ветру, как будто сама Чанъэ из Лунного дворца спустилась на землю, чтобы спеть.

В карточной комнате разговоры постепенно стихли, все прислушивались к пению Шан Сижую. Его голос был настолько чистым, что казалось, он рассеивает дым в зале. Чэн Фэнтай, держа сигарету в зубах, тоже слушал. На этот раз пение Шан Сижую вызвало у него странное чувство, как будто он встретил старого друга.

Когда он закончил петь, молодые люди из сада ворвались в зал. Девушка, возглавлявшая их, глубоко взглянула на Шан Сижую, затем подбежала к господину Хуану, обняла его за шею и начала капризничать:

— Папа, папа, одолжите нам этого певца ненадолго, совсем ненадолго.

Господин Хуан шлёпнул её:

— Называй его господином Шаном!

— Хорошо, хорошо, господин Шан. Я забираю господина Шана, потом верну!

Она поцеловала отца в щеку.

Молодёжь, не спрашивая разрешения, вывела Шан Сижую из зала. Господин Хуан, потирая щеку, которую дочь поцеловала, сказал окружающим:

— Это удивительно, когда эти молодые люди начали понимать оперу?

Кто-то засмеялся:

— Они не слушали оперу, потому что не видели хорошего. Увидев такого, как господин Шан, с его красотой и мастерством, кто бы не полюбил?

Эти слова вызвали у всех странное чувство. Господин Хуан, казалось, полностью согласился, улыбнувшись и поглаживая бороду.

Чэн Фэнтай наблюдал, как Шан Сижую окружили и вывели из зала. Его стройная фигура в белом, как молодая ива, покрытая инеем, выглядела изящной и прекрасной. Рядом с ним мисс Хуан казалась грубой и неуклюжей, как деревенская девушка. Проходя мимо комнаты для маджонга, мисс Хуан увидела Чэн Фэнтая и подбежала, обняв его за шею:

— Второй брат Чэн, выйдете позже со мной потанцевать?

Чэн Фэнтай чуть не уронил сигарету, затянулся и потушил её:

— Нет!

Мисс Хуан начала капризничать:

— Почему, почему? Вы так хорошо танцуете!

Чэн Фэнтай ущипнул её за щеку, улыбаясь:

— Именно потому, что я уже так хорошо танцую, зачем мне ещё танцевать? Я сейчас тренируюсь в маджонге!

Кто-то засмеялся:

— Мисс, не приставайте ко Второму господину, он сегодня без сестры, и с начала игры только проигрывает, уже весь красный от злости, не может отойти от стола.

Мисс Хуан подняла подбородок:

— Тогда, Фань Лянь, выходи!

Фань Лянь сегодня снова сидел напротив Чэн Фэнтая, сосредоточенно глядя на карты. Казалось, он был тем, кто краснел от злости:

— Я тоже не пойду!

Мисс Хуан нахмурилась:

— Эй, ты!

Кто-то снова засмеялся:

— У Ляня сегодня удача, похоже, он собирается оставить своего зятя без штанов! Ему тоже нельзя отходить от стола! Мисс, идите гулять, здесь слишком дымно, не задохнётесь.

Мисс Хуан сердито посмотрела на Фань Ляня, отпустила Чэн Фэнтая и ушла. Через некоторое время ледяной голос Шан Сижую снова зазвучал, похоже, он пел «Нефритовый зал весны».

Чэн Фэнтай закурил сигарету, бросив взгляд на Фань Ляня:

— Почему ты не пошёл гулять? Боишься, что мисс Хуан в тебя влюбится?

Фань Лянь сердито посмотрел на него:

— Что ты несешь! Я не пошёл гулять, потому что хочу отыграть все свои проигрыши. А ты,

такой неудачник, всё ещё держишься за стол, правда хочешь остаться без штанов?

Чэн Фэнтай ответил:

— Я? Мне не нравится проводить время с детьми.

Одна из тётушек семьи Хуан, сидевшая за соседним столом, обернулась:

— Это неправильно, нашей мисс всего семнадцать. А вам, Второму господину, двадцать два или двадцать три? Разница всего в несколько лет, а вы уже играете роль старшего.

Чэн Фэнтай вздохнул:

— Не в возрасте дело. Я чувствую себя старым, мог бы быть отцом мисс Хуан.

Это явно была шутка. Тётушка Хуан засмеялась и шутливо ударила его:

— Быть её отцом? Ты бы только радовался!

Фань Лянь тоже вздохнул:

— Я всегда с тобой вожусь и чувствую себя старым.

Оба вздохнули снова.

Чэн Фэнтай, переживший семейные трудности в молодости и прошедший через множество испытаний в бизнесе, чувствовал себя старше своих лет. Фань Лянь, будучи незаконнорождённым сыном в старомодной семье, с детства научился быть ловким и проницательным. Хотя им было чуть больше двадцати, они легко вписывались в круг людей среднего возраста, никто не смел их недооценивать.

Вечеринка продолжалась до десяти пятнадцати, Шан Сижуй то пел в саду, то отдыхал. Чэн Фэнтай в зале проиграл уже больше трёх тысяч юаней, сидеть было неудобно, голова начала болеть. Он допил остатки чая, потушил сигарету и подозвал одного из племянников семьи Хуан:

— Иди, племянник, сыграй за меня пару партий, я отлучусь.

Тётушка Хуан снова шутливо ударила его:

— Какой племянник, он старше тебя на три года! Ты вообще не стесняешься!

Фань Лянь закричал:

— Зять, не смей уходить! Ты просто проиграл и хочешь сбежать!

Чэн Фэнтай бросил в него несколько фишек.

В саду висели разноцветные фонари, молодые люди перестали танцевать, собравшись в круг вокруг Шан Сижую. Чэн Фэнтай, взглянув на них, заметил, что их взгляды были скорее направлены на человека, чем на представление. На белом халате Шан Сижую кто-то прикрепил ветку красной сливы, как красивую брошь на снегу, очень изящную и заметную. Он с веером в руке прошёл через все цвета сада, уставая больше, чем на сцене, так как не было перерывов.

— Мисс Хуан, я больше не могу петь.

Мисс Хуан сказала:

— Тогда давайте потанцуем!

Она протянула руку к Шан Сижую, предлагая ему танец.

<http://bllate.org/book/15435/1368552>